

Глава 7: Я люблю загорать

Четыре года спустя.

Черный внедорожник остановился у въезда в деревню Лунцюань, дверь открылась, и из нее выпрыгнул красивый подросток в белой футболке и шортах. Он с бледным лицом бросился к обочине дороги и присел на корточки, начав выворачивать свой желудок.

Водитель вышел из машины, открутил крышку бутылки с минеральной водой, протянул ее ему и сказал мужчине на заднем сиденье: “Шэнь, твой племянник сильно пострадал в этой поездке, он очень болезненно переносит поездку в машине”.

Шэнь Янь погладил подбородок и вздохнул: “Мои брат и невестка -первоклассные университетские профессора, Сяо Цзе воспитывался быть культурным еще с детства. Я слышал, что гора Лунцюань - отличное место, и решил приехать сразу после летних каникул. Я надеялся найти вдохновение для написания эссе”.

“Боже, это действительно что-то”. Водитель вздохнул: “Мой ребенок и Шэнь примерно одного возраста. Он писал свое эссе, и посреди ночи у него поднялась температура, поэтому я отправил его в больницу. Видишь? Моя голова полна седых волос. Шэнь, посмотри на мои волосы, седые волосы!”

Шэнь Цзицзе прополоскал рот минеральной водой, встал и сказал: “Маленький дядя, дядя Юй, я в порядке”.

Они втроем пошли в сторону деревни Лунцюань, и Шэнь Цзицзе попросил у своего младшего дяди сотовый телефон, сказав, что позвонит своим одноклассникам, чтобы поговорить о задачах по математике, и что он согласился сдержать свое слово перед уходом из дома.

Эти слова вызвали у водителя еще один вздох, и Шэнь Янь немедленно протянул ему свою Motorola V3.

Шэнь Цзицзе намеренно отстал на десяток метров и начал звонить домой своему лучшему другу: “Привет, тетушка, это Шэнь Цзицзе, пожалуйста, передай трубку Сяо Юну”.

“Юн-эр, если мои родители спросят тебя, сколько баллов я получил на тесте, просто скажи, что ты не знаешь... Я еду в деревню со своим дядей... Если я не уеду, мои родители отправят меня за границу, как только закончатся каникулы... Если ты будешь искать меня, вот номер, это мобильный телефон моего дяди...”

После того, как Шэнь Цзицзе вернул телефон Шэнь Яню, он прислушался к его разговору с водителем и небрежно оглядел окрестности.

“Гора Лунцюань должно быть притягивает всех. Мне было трудно ухватиться за проект ремонта лечебного центра, хотя это место немного закрытое, воздух здесь действительно хороший. Это просто дар природы”. Шэнь Янь сделал несколько глубоких вдохов.

Водитель дядя Юй повторил: “У горы Лунцюань много легенд, о Боге, о бессмертных. Но также имеется и тенденция к созданию гуманистического ландшафта. Мы должны отремонтировать павильон бессмертных шахмат и дом дремлющего Бога, тогда все станет очень хорошо”.

Шэнь Цзицзе не заботился ни о богах, ни о бессмертных, ни о даре природы, он только посмотрел на кучу коровьего навоза на обочине дороги, недалеко от двух грязных собак, и нетерпеливо нахмурился.

Несколько детей выбежали из деревни и стояли, уставившись на них невдалеке, выглядя такими же грязными, как две собаки в начале.

“Эгг, черт возьми, иди сюда”.

Шэнь Янь, очевидно, уже знал их, достал из своей сумки горсть конфет и протянул им. Дети улыбнулись и потянулись за конфетами, но их глаза были прикованы к Шэнь Цзицзе, и после того, как они втроем направились к деревне, они втайне говорили о нем.

“Он с телевидения?”

“Нет, никто на телевидении не выглядит так хорошо, как он”.

...

Глядя на Шэнь Цзицзе, они могли видеть появление силуэта подростка и высокий нос, полуприкрытые глаза, смотрящие на дорогу под ногами, темные брови. Его шорты, футболка и кроссовки были чистыми, как новые, с поясом вокруг талии. Его волосы были аккуратно причесаны, без единой травинки, а на светлой и тонкой шее свисал ярко-зеленый нефритовый кулон.

Он отвинтил крышку бутылки с минеральной водой, слегка приоткрыл губы, чтобы сделать глоток, и выпил, не издав ни звука. Он достал из кармана брюк салфетки, вытащил одну, чтобы вытереть пот, стекающий по лбу, и сложил использованную салфетку в руке.

От этой сцены у группы деревенских ребят отвисла челюсть. Их внутреннее потрясение было велико. Им стало немного неловко и стыдно за себя, и один ребенок убежал, за ним быстро последовали остальные.

Шэнь Цзицзе увидел это краем глаза, и на его лице появился румянец, когда он поджал губы. Когда все люди выбежали, он открутил крышку бутылки с водой, чтобы допить ее большим

глотком, а затем громко рыгнул.

Солнце сильно пекло, с обеих сторон полей листья овощей были обожжены солнцем и немного увяли. Все трое прошли еще несколько шагов, и от входа в деревню к ним подбежал здоровый и бодрый старик.

“Шэнь здесь! Я надеюсь, что поездка прошла хорошо”. Старик улыбался на ходу.

Шэнь Янь поприветствовал его с улыбкой и вручил ему подарок в руке: “Дядя Цай, все было хорошо. Извините, что снова пришел побеспокоить вас.”

“Вы - благородные люди горы Лунцюань. Ты нам не мешаешь. Ты все равно принес эти вещи, так что давай сначала зайдём ко мне домой попить воды.”

Шэнь Янь повернул голову к Шэнь Цзице и сказал: “Зови его дедушка Цай”.

Шэнь Цзице вежливо улыбнулся: “Привет, дедушка Цай”.

“Ай, о, этот ребенок твой? Он такой симпатичный, такой милый.” - удивленно спросил дедушка Цай у Шэнь Яня.

Шэнь Янь похлопал Шэнь Цзице по плечу: “Моему племяннику по имени Шэнь Цзице одиннадцать лет”.

“О, он довольно высокий и на три года старше моего внука, но на голову выше”.

“Дети дико растут”.

Группа обменялась любезностями и отправилась в сельсовет, попить чай, раздувая веера.

Шэнь Цзице слушал, как несколько человек говорили о строительстве центра для выздоравливающих, и, хотя он ничего не понимал, внешне он этого не показывал. Он также часто кивал или задумчиво отвечал, как будто у него было свое собственное мнение по этому вопросу, поэтому Шэнь Янь несколько раз взглянул на него.

Но в конце концов ему стало слишком скучно, он увидел, что никто этого не заметил, и зевнул. У него были заплаканные глаза и широко открытый рот, когда он внезапно перестал двигаться.

В дверном проеме, прямо под карнизом, стоял маленький мальчик, одетый в черно-белую полосатую толстовку и синие шорты. У него были мягкие и округлые черты лица, и пара больших круглых глаз, не моргая смотревших на него.

Шэнь Цзицзе только что познакомился с деревенскими детьми, и они были деликатными, ненавязчивыми. Было нормально, когда на него пялились, но только если он был к этому готов. Когда его застали врасплох, он все еще был немного недоволен.

Шэнь Цзицзе закрыл рот и некоторое время бесстрастно смотрел на него, прежде чем встать и направиться к двери.

Мальчик в панике сделал шаг к лестнице, как будто хотел уйти, но затем остановился и оглянулся на Шэнь Цзицзе с некоторой нервозностью и некоторой застенчивостью во взгляде.

Бах!

Шэнь Цзицзе тяжело закрыл дверь.

“Цикады снаружи слишком громкие и мешают вашему разговору”. Он повернулся к нескольким взрослым, которые смотрели на него.

“Этот парень действительно знает, что делает”. - воскликнул водитель.

Шэнь Цзицзе посидел еще немного, смертельно скучая, и притворился, что идет в ванную, чтобы выйти за дверь. Под большим деревом никого не осталось, маленький мальчик исчез, и он медленно обошел участок заднего двора.

Задний двор был засажен россыпью мелкой капусты, а дальше за забором протекал небольшой ручей, где в воде играли несколько загорелых детей, и до сюда доносилось хихиканье.

Шэнь Цзицзе почувствовал непреодолимое желание оглянуться, чтобы посмотреть, куда он может пойти, и, оглядевшись, увидел только квадратную дыру в левом нижнем углу забора.

Отверстие было небольшим, люди, очевидно, не могли пройти через него, и, вероятно, оно использовалось для пропускания воды. Но в любом случае делать было нечего, и, поскольку вокруг никого не было, он присел на корточки в дыре, чтобы выглянуть наружу.

За пределами дыры был каменистый пляж, а недалеко от дыры лежала коричневато-красная галька, гладкая и красивая. Он протянул руку, чтобы поднять ее, но не смог дотянуться до нее, поэтому просто лег на землю, исследуя рукой переднюю часть.

Несколько мгновений он ощупывал окрестности, но ничего не почувствовал, поэтому сунул голову в дыру, чтобы посмотреть, где она находится.

Подтвердив это, он услышал тихий голос рядом с собой: “Это собачья нора, ты не сможешь туда пролезть. Это позволяет моей собаке выходить на улицу”.

Шэнь Цзицзе дернулся назад, и его голова с глухим стуком ударилась о дыру. Ему было наплевать на боль, и он вскочил на ноги, увидев мальчика, которого он только что видел под деревом, стоящего слева от него.

“Ты хочешь пойти куда-нибудь? Если хочешь выйти, иди через парадную дверь, здесь сделать это нелегко.” Мальчик посмотрел на него круглыми глазами и серьезно объяснил, его голос был немного мягким.

Сердце Шэнь Цзицзе воспрянуло, наполнившись пламенем, но также обеспокоенный тем, что его услышат другие, он понизил голос и закричал: “Кто сказал, что я хотел выйти?! Я просто хотел схватить камень! Какой именно из твоих глаз видел, как я проходил через собачью нору?!”

Губы мальчика открывались и закрывались, но, когда он увидел искривленное лицо Шэнь Цзицзе, он поджал губы и ничего не сказал.

Шэнь Цзицзе посмотрел на него сверху и повторил: “Я просто хочу прикоснуться к камню снаружи, а не лезть в какую-нибудь собачью нору, так что не открывай рот и не говори ерунды, это называется распространением слухов”.

Мальчик уставился на него, его глаза были черно-белыми, его очень длинные ресницы слегка загнуты, он выглядел очень красиво.

“Ты хорошо меня слышал?” - снова нетерпеливо спросил Шэнь Цзицзе.

Мальчик, очевидно, тоже был расстроен. Он опустил голову, эти красивые глаза закатились, когда он надулся, затем он развернулся и вышел за дверь, пройдя рядом с домом, прежде чем обернуться и сказать: “Я тебя плохо расслышал”.

Когда Шэнь Цзицзе вернулся в зал деревенского совета, все взрослые встали, увидев его.

“Мы ждем тебя уже полдня. Дядя Цай собирается пригласить нас на ужин.” - сказал Шэнь Янь.

Дедушка Цай шел впереди и смеялся: “В деревне нет ресторанов, так что мы можем обойтись только едой у меня дома”.

“Спасибо, дядя Цай, я должен снова побеспокоить вас”.

Шэнь Цзицзе последовал за Шэнь Янем, развернулся от деревни и вошел в небольшой дворик.

Во внутреннем дворе под большим баньяновым деревом был накрыт квадратный стол, на котором стояла горячая еда. Три женщины, помогавшие готовить, увидели, как группа вошла во двор, поприветствовали их, а затем отправились домой.

Когда все расселись, дедушка Цай крикнул в дом позади себя: “Жун-Жун! Жун-Жун, иди есть!” Он повернул голову к толпе и объяснил: “Мой внук”.

“О, смотрите, из-за задержки ваш внук опоздал на ужин”.

“Все в порядке, он умный, он найдет что-нибудь поесть, он не останется голодным”.

Шэнь Цзице рассматривал блюда на столе, различные виды мяса в больших фарфоровых мисках, тушеные, жареные и холодные блюда, очень ароматно пахнущие. Когда он услышал, как хлопнула дверь, он рассеянно оглянулся, и его зрачки внезапно сузились.

Ребенок, который только что сказал, что он в собачьей норе, вышел из-за двери.

Лу Жун тоже увидел Шэнь Цзице, и их взгляды встретились, а затем разошлись, как только они соприкоснулись.

Шэнь Цзице уставился на миску с тушеными сушеными побегами бамбука и жареными свиными потрохами, стоящую перед ним, в то время как Лу Жун подошел к дедушке Цаю и сел, не глядя на него с маленьким лицом.

“Дядя Цай, ваш внук действительно хорош собой и выглядит хорошо воспитанным”. Искренне похвалил Шэнь Янь.

Дедушка Цай посмотрел на Лу Жуна, увидел, что тот опустил веки, не говоря ни слова, поэтому он протянул руку и коснулся его головы: “Это потому, что ты этого не видел. У него вспыльчивый характер, и он избалован. Жун-Жун, быстро позови дядю.”

“Дядя”, — тихо сказал Лу Жун.

“Жун-Жун, какое твое полное имя?” - спросил водитель с улыбкой.

Лу Жун был таким белым и красивым, что всем хотелось подразнить его еще больше.

“Меня зовут Лу Жун, Жун-Жун от слова пушистый”, - ответил Лу Жун.

Шэнь Цзице подсознательно посмотрел на него, когда услышал, как он произносит свое имя, и увидел, как его губы поджались, когда он произнес слово “Жун-Жун”, с небольшим розовым румянцем.

Шэнь Янь сказал: “Жун-Жун, этого младшего брата рядом со мной зовут Шэнь Цзице. Он на несколько лет старше тебя и останется здесь на некоторое время, так что тебе придется брать

его с собой, чтобы он чаще играл, хорошо?”

Взгляды Лу Жуна и Шэнь Цзицзе снова встретились, и они отвернулись.

Взрослые подумали, что дети смутились, и больше ничего не сказали, а затем начали пить и есть.

После еды было еще рано, и Шэнь Янь хотел пойти на задворки горы с дедушкой Цаем. На улице было очень жарко, поэтому он попросил Шэнь Цзицзе не следовать за ним, а подождать в доме дедушки Цая, желательно, чтобы сделать домашнее задание на лето.

Шэнь Цзицзе действительно не хотел никуда идти, поэтому он решил согласиться.

Лу Жун вернулся в дом, а Шэнь Цзицзе сидел под большим баньяновым деревом.

Несколько мгновений спустя в дверях появился Лу Жун, не глядя на Шэнь Цзицзе, его глаза были устремлены вдаль, и он спросил: “На улице так жарко, ты не зайдешь?”

Шэнь Цзицзе знал, что он спрашивает его, но посмотрел на большое баньяновое дерево над головой и ответил: “Я люблю сидеть снаружи”.

Откинувшись назад и лениво покачиваясь на спинке стула, он взглянул на дверь и обнаружил, что Лу Жун уже вернулся внутрь.

По мере того, как солнце медленно садилось и тень перемещалась, Шэнь Цзицзе время от времени хватал свой табурет и следовал за тенью. Тень скользнула на стол для стирки белья, построенный из бетонных плит, и он не мог двигаться дальше, но после короткого пребывания на солнце по его вискам потек пот.

Он сожалел, что поссорился с Лу Жуном, и ему следовало пойти, когда тот позвал его войти в дом, а затем случайно найти табуретку и стул, чтобы сесть.

Теперь было слишком поздно снова входить в дом.

Он мог бы войти, но все его лицо было бы утеряно.

По сравнению с лицом, солнечный ожог был более терпимым.

Лу Жун подтащил к двери маленький столик, разложил коробку с канцелярскими принадлежностями и книги, и начал делать домашнее задание.

Шэнь Цзицзе увидел, как неподалеку от него повернулся веер.

“Ах... Здесь так тепло, я люблю загорать.” Он что-то пробормотал себе под нос.

В этот момент ему было так жарко от солнца на макушке и спине, что пот стекал по нему, как будто ползали муравьи. Но как только Лу Жун оглянулся, он сразу же заинтересовался большим баньяновым деревом, протянул руку, чтобы дотронуться до него, и огляделся, как будто ему действительно было наплевать на жаркое солнце.

Цикады громко стрекотали, делая его все более и более раздражительным, и через некоторое время он начал задаваться вопросом, не следует ли ему пойти внутрь и забыть об этом.

Чавк... чавк...

Лу Жун откуда-то принес фруктовое мороженое и съел его, делая домашнее задание, очень громко посасывая.

Шэнь Цзицзе быстро взглянул на явно домашнее эскимо. Он был приготовлен в холодильнике и снабжен пластиковой ручкой. Эскимо было светло-оранжевого цвета и, вероятно, приготовлено из апельсинового сока. Это выглядело очень вкусно.

Он сглотнул слюну и почувствовал, как пересохло в горле и захотелось пить. Глотание заставило его горло слипнуться и стать почти неделимым.

Лу Жун держал эскимо в одной руке и ручку в другой, его белые ноги были вынуты из пластиковых сандалий и покоились на большой желтой собаке, лежащей под столом, розовые пальцы шевелились.

Голова Шэнь Цзицзе шла кругом, и у него, наконец, появился план.

Он притворился, что дразнит собаку, свистнул и медленно подошел ближе. На самом деле он очень боялся собак, но большая желтая собака просто проигнорировала его, только равнодушно взглянув на него, прежде чем отвернуться.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326836>